

Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку ¹⁾.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Яковлева.

№ 28.

2 Января. [1863 г.].

Не дожидаясь Вашихъ дружескихъ строкъ, дорогой Александръ Васильевичъ, слѣдовало бы мнѣ давно притти къ Вамъ самому, сѣсть у Васъ—въ обычномъ моемъ тепломъ уголкѣ, между самоваромъ, жарко натопленною печкой—и распространиться въ дружескихъ пожеланіяхъ Вамъ и Вашимъ по случаю Новаго Года.

Я бы и сдѣлалъ это и дѣлалъ бы по старому обычаю всегда, еслибъ не испортился совсѣмъ. Не знаю, лихіе ли люди испортили меня „наговоромъ“, „нашептanjemъ“, „злымъ зельемъ“ и т. п. средствами, или я самъ испортился (что вѣрнѣе), но только я сталъ дикъ, пугливъ и все прячусь въ свое „уединеніе“, довольно впрочемъ гнусное, ибо оно не разбавляется ни любимымъ трудомъ, этимъ вѣрнымъ лекарствомъ противъ всякой ипохондріи, меланхоліи, нервъ и т. д., ни даже тепломъ и свѣтомъ, такъ какъ снизу дуетъ мнѣ холодъ въ ноги, а сверху солнце, отсутствующее вообще, для меня въ особенности, не достигаетъ въ мой подвальный „hermitage“.

Изъ этого Вы усмотрите, что этотъ hermitage не изобилуетъ никакими приманками, могущими отвлекать меня отъ друзей.

Значить, такъ, испортился! И тяжестью на подъемъ, всяческою лѣнью и нехотью ко всему на свѣтъ—далеко превзо-

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

шелъ одного лѣниваго героя романа, только по другимъ причинамъ.

Впрочемъ такихъ отвратительныхъ, ни на что не нужныхъ стариковъ, одержимыхъ еще горшею обломовщиною — множество, но они только не имѣютъ мужества сознаться въ ней, притворяются все еще нужными, да еще „украдкою киваютъ на Петра“, т. е. на меня. Это все — *Климичи!* Имъ — ничего, спускаютъ, а меня бранятъ!

Но Вы попрежнему дружелюбны и снисходительны ко мнѣ и въ семь лѣтъ, какъ были и въ прошломъ — и прежде, и всегда: да будетъ же Вамъ благо и да почиетъ здравіе и обиліе надъ всѣмъ Вашимъ домою!

Здравіе и обиліе помянулъ я во главѣ моихъ желаній, потому, что все прочее — у Васъ преизбыточествуетъ! (*Обиліе*, я разумѣю, денегъ, т. е. всего того, что можно на нихъ пріобрѣсть покупкою не достающаго Вамъ).

И такъ — съ Новымъ Годомъ и Васъ и всѣхъ Вашихъ — Казиміру Казим.[іровну], Екат. и Соф. Алек.[сандровнѣ], Алекс.[андра] Алекс.[андровича] и леди — поздравляю.

Лишь только освѣжусь, т. е. если на меня хоть неожиданно пахнетъ струя свѣжаго воздуха, если явится благодѣтельная волшебница и сниметъ злыя чары, нервы окрѣпнутъ хоть немного и ноги перестанутъ ныть отъ ревматизма — я явлюсь опять въ Вашъ теплый дружескій пріютъ, взбѣжавъ на Вашу губительную лѣстницу *quatre à quatre* и рискуя задохнуться въ Вашихъ объятіяхъ.

Вашъ И. Гончаровъ.

№ 29.

На субботніе блины меня усердно звалъ одинъ новорожденный и я отказать ему не могъ, потому Впрочемъ, что Вы, при свиданіи не навѣрное рѣшили о своей субботѣ. Спѣшу предупредить Васъ объ этомъ, почтенный другъ — въ ожиданіи удовольствія свидѣться на первой недѣлѣ, а до тѣхъ поръ я ангажированъ на всѣ блины — вплоть до поста. Масляница — это такое пока серьезное дѣло на Руси, что отъ него пріостановится сама — Сѣверная почта, пріостановится въ тотъ моментъ, когда все прочее катается.

Въ Воскресенье можно бы свидѣться у П. А. Валуева ¹⁾, да

¹⁾ Министръ внутреннихъ дѣлъ и литераторъ: былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ И. А. Въ 1906 г. К. Военскимъ напечатаны (въ отдѣльномъ изданіи) письма Гончарова къ Валуеву.

бриться лѣнь, одѣваться лѣнь, говорить лѣнь, ахъ, и жить лѣнь!

Имѣю честь приложить при семъ: 1, экз. *Обыкновенной исторіи*, III-го изданія: упоминать объ ней одной въ Сѣверной Почтѣ было-бы неудобно и я о томъ не прошу, а посылаю ее такъ, на память Вамъ, въ Вашу книжную трущобу, но зато посылаю 2-е, Объявленіе для припечатанія въ Сѣверной Почтѣ: деньги слѣдующія за то внесу исправно. Хорошо бы напечатать это въ *Среду или Четвертъ первой недѣли Поста*.

Если же это можетъ легко и удобно сдѣлаться и безъ Вашего посредства, то потрудитесь возвратить объявленіе подателю сего, моему племяннику и мы сами отнесемъ въ Контору. А Вы, пожалуй еще, къ Вашему *неумѣнью находить*—присоединяете, можетъ быть, *умѣнье терять необходимое*—и того гляди—потеряете объявленіе.

Вотъ и все!

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

16 февраля [1863 г.].

№ 30.

Я надѣялся видѣть Васъ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, вчера въ клубъ и за бокаломъ вина проститься съ Вами до осени. Но Вы не были.

Между тѣмъ третьяго дня произошла въ моей квартирѣ уродливость, въ слѣдствіе которой человекъ мой, вдругъ, по вдохновенію, сказалъ Вамъ, что меня нѣтъ дома, потому что въ то утро я на него разсердился, зачѣмъ онъ пустилъ ко мнѣ незнакомаго. Когда Вы позвонили, потомъ ушли, я спросилъ, кто былъ, онъ отвѣчалъ мнѣ: „генералъ изъ Малороссіи, а фамилію забылъ!“ Можно ли было догадаться, что это Вы? Наконецъ, когда онъ даже прибавилъ, что „Вы служили прежде въ *Сѣверной Почтѣ*“, я и тутъ еще не догадался, а когда наконецъ догадался и послалъ въ погоню, Васъ уже не было. Анекдотъ—лишившій меня удовольствія еще разъ видѣть Васъ, а Васъ—случая сказать мнѣ доброе напутственное слово и выкурить золоченую сигару.

Я ѣду въ Пятницу утромъ—и еслибы не лѣстница—забѣжалъ бы еще разъ. Въ надеждѣ застать Васъ осенью витающимъ ниже облаковъ и птицъ Владимірской колокольни, обнимаю Васъ отъ всего сердца и кланяюсь Вашимъ.

И. Гончаровъ.

18 мая 1864 г.

№ 31.

Вильдбадъ (Виртембергъ). Hôtel Klumpp, № 11. [1864 г.].

Почтенный и любезный другъ Александръ Васильевичъ! Вотъ ужъ третій мѣсяцъ, какъ я отсутствую, не говорю странствую, потому что я только и дѣлаю, что лечусь, а какое же это странствіе! Но отсутствіе отъ всего знакомаго и близкаго становится все ощутительнѣе и ощутительнѣе, такъ, что я едва ли опечалюсь, когда истекуть и послѣдніе дни моего отпуска. Какъ ни сумрачно, ни холодно у насъ, а все же—привиллегія сидѣть на своемъ собственномъ креслѣ, пить свой собственный (а не здѣшній гнусный) чай, да въ тотъ или другой вечеръ увидѣть Вашъ любезный, или другой—третій, да и обчелся ликъ добрыхъ друзей—все это не замѣняетъ ни веселая бѣготня по желѣзнымъ дорогамъ, ни перемѣна городовъ, какъ декораций, ни куча новыхъ и отчасти старыхъ встрѣчныхъ знакомыхъ и толпы незнакомыхъ лицъ, къ которымъ чувствуешь себя постоянно—не просто, а какъ-то непріязненно—равнодушнымъ.

Собственно путешествіе, къ стыду моему, или къ стыду моихъ лѣтъ, уже не шевелитъ меня: вотъ хоть бы теперь, дней черезъ двѣнадцать, я кончаю леченіе, Италія подъ бокомъ, я ее никогда не видалъ, дорожный кошелекъ мой далеко не истощенъ, а лѣнь, не хочется, не тянетъ. И вотъ, отсюда, заглянувъ дня на два въ Баденъ-Баденъ, я вернусь во Франкфуртъ, пробуду въ Соденѣ нѣсколько дней у больного Ляховскаго ¹⁾ и потомъ dahin, dahin—гдѣ миртъ цвѣтетъ и персикъ блестятъ—въ ресторанахъ Пале-рояля, гдѣ дѣвы розами цвѣтутъ, до которыхъ мнѣ, т. е: до дѣвъ тоже нѣтъ никакой надобности.

А вѣдь мнѣ легче стало послѣ Карлсбада, во-первыхъ. брюхо отчасти растаяло, изжога не мучаетъ; а теперь и боль въ ногахъ исчезла, вѣроятно—до осени, до Октябрьскихъ дождей и вѣтровъ: и то слава Богу. Доктора все не рѣшили еще, подагра или ревматизмъ у меня, хотя всѣ, отъ Петербурга, Дрездена и Карлсбада, съ удивительною проницательностію угадали, что у меня большое—брюхо! Какіе мудрецы! И вотъ отъ большого то брюха они все и лечили меня и чуть было совсѣмъ не вылечили, такъ что осталось только брюшко.

¹⁾ См. выше, письмо № 14.

Въ Карлсбадѣ была скука, томленіе, Вавилонское плѣненіе, съ холодомъ, голодомъ и вѣчной заботой непрерывнаго хожденія по крутымъ горамъ. Тамъ человѣкъ становится дикъ, свирѣпъ и неукротимъ, худѣетъ, блѣднѣетъ и исполняется ненависти къ человѣчеству вообще, къ нѣмцу австрійскому въ особенности.

Здѣсь же въ Вильдбадѣ, хотя по названію и *дикомъ*, но въ самомъ дѣлѣ прелестномъ мѣстѣ, онъ смягчается; здѣсь думы его питаетъ и кроткій мягкій воздухъ, и сумракъ елей и дубовъ, и нѣжная зелень очаровательнѣйшихъ долинъ, какія найдешь только у Кодъ-Лоррена; а тѣлесныя силы подкрѣпляются обильнымъ, изъ 11 блюдъ состоящимъ табль-д'отомъ, устроеннымъ лучшимъ парижскимъ метръ-д'отелемъ; здѣсь обиліе природы спорить съ роскошью жилищъ въ обитаемой, напри- мѣръ, мною отели; здѣсь тѣнистыя аллеи, цвѣты, прекрасныя калѣвки и калѣчки—словомъ чувствуешь близость Рейна, Франціи и Британіи, ихъ могущество, роскошь, комфортъ.

А въ какомъ обществѣ лечился я все лѣто: какъ не возгордиться? Въ одномъ корридорѣ со мной живетъ нашъ принцъ Ольденбургскій, да англійскій Ротшильдъ, да австрійская эрцгерцогиня, и простые герцоги, графы и князья всѣхъ націй. Въ Карлсбадѣ былъ австрійскій императоръ, прусскій и бывшій греческій короли, наши двѣ великія княгини, герцогъ нассаускій etc. etc. etc. Тамъ и Бисмаркъ и Рехбергъ ¹⁾—et tutti quanti!

Скажите же мнѣ о себѣ: такъ же ли Вы задумчиво-величаво прогуливаетесь и на какихъ берегахъ, въ сумракъ какихъ деревьевъ, среди акацій Черной рѣчки и Аптекарскаго острова, или подъ липами и елями Павловска, близъ Славянки? Такъ же ли великолѣпно ничего не дѣлаете, благодаря лѣтнему закрытію университета, всякихъ академій, а можетъ быть и нашего Совѣта ²⁾, какъ и въ прошлое лѣто, такъ же ли неистово привередничаете, призывая на помощь весь медицинскій факультетъ по случаю невидимой, ночной затрецины по головѣ какого-нибудь стучащаго духа, или по случаю будто бы промоченія ногъ, а въ сущности самыхъ нетолько непромокаемыхъ, но и не истребляемыхъ, ни огнемъ, ни водой, калошъ? А что барыни? Казимира Казиміровна? Что Екатерина и Софья

¹⁾ Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

²⁾ И. А. былъ членомъ совѣта м-ра вн. д. по дѣламъ книгопечатанія съ 30 августа 1865 г. по 29 декабря 1867 г. См. у Мазона „Русская Старина“, 1911 г. № 3.

Александровны? Здоровы ли онѣ? Убрали ли хоть на время удушливаго петербургскаго лѣта свои зубныя подушечки, склянки съ лекарствами и съ ними головную и всякую боль? Что дѣлаетъ непроходимѣйшій шалунъ?

Дайте мнѣ обо всемъ знать, но уже не сюда: не успѣете. Письмо ходить дней шесть туда, да шесть оттуда. А лучше напишите такъ:

Frankfurt a/M.

poste restante.

Herrn Johann v. Gontscharoff каковымъ дружески и подписуюсь въ ожиданіи Вашего отвѣта.

Нѣтъ ли чего новаго? Что дѣлается у насъ въ Совѣтѣ? Говорятъ, Александръ Григ[орьевичъ Тройницкій] за границей: кто предсѣдатель? Не Вы ли, любезный другъ?

И. Гончаровъ.

№ 32.

Маріенбадъ 2 (14) іюля [1865 г.].

Не изъ подъ оливъ и померанцевъ и кипарисовъ, а изъ глубины сосноваго лѣса взываю къ Вамъ, любезнѣйшій Александръ Васильевичъ, и глаголю: что творите? скинули-ли байковый сюртукъ и колоши? наступила-ли весна или лѣто? обмолвились-ли журналы наши умною и занимательною статьею? не пустиль-ли Осипъ Антонычъ? ¹⁾ еще какой-нибудь ядовито-ценсурной стрѣлы въ нашу бѣдную литературу? Собирается-ли мудрый нашъ Совѣтъ ²⁾ въ полуденную жару у Чернышева моста, или лѣнливо дремлетъ по разнымъ тѣнистымъ пріютамъ задумчивыхъ Дріадъ Павловска, Петергофа и Черной рѣчки? Есть ли какіе-либо слухи о новомъ ценсурномъ порядкѣ и будемъ ли мы и впредь изнемогать подъ бременемъ толстыхъ журналовъ, или же придумываются иные, болѣе острые способы служебныхъ истязаній и какіе суть тѣ способы т. е: какъ

¹⁾ Пржецлавскій, одновременно съ И. А. бывшій (1863—1865 г.г.) членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, а ранѣе состоявшій членомъ главнаго управленія цензуры, въ то время какъ И. А. былъ цензоромъ петербургскаго цензурнаго комитета. Объ усиленной цензорской дѣятельности Пржецлавскаго см. у Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 г.г. Спб. 1904 г., стр. 29 и далѣе.

предполагается вести новое дѣло: что достанется на долю Комитетамъ и что Совѣту? Я съ великимъ страхомъ жду грядущаго новаго порядка и не имѣю ясной идеи о томъ, какъ онъ разыграется. Но не хочу болѣе смущать ни себя, ни Васъ будущимъ, въ туманѣ кроющимся образомъ новыхъ заботъ и тяготы: пова мысли мои стремятся отсюда къ Рейну, къ Булони и къ Парижу, куда полагаю прибыть отъ нынѣшняго дня недѣли черезъ полторы, и пробывъ тамъ столько же, отправиться въ Булонь. Если задумаете написать ко мнѣ, то поручите писаніе свое Софьѣ Александровнѣ, а я сообщилъ ей, куда и какъ ко мнѣ адресовать.

Изъ русскихъ знакомыхъ есть здѣсь теперь Андрей Парф. Заблоцкій—[Десятовскій] ¹⁾, съ коимъ я и гуляю ежедневно по променадѣ, раскланиваюсь также и съ нѣкоторыми другими.

Мнѣ надоѣло питье воды и я съ нетерпѣніемъ жду будущей недѣли, чтобы благополучно удрать отсюда во Франкфуртъ, гдѣ между прочимъ нужно остановиться и ватѣмъ, чтобъ запастись сигарами.

Если въ самомъ дѣлѣ есть какіе-нибудь слухи, новости, какъ о нашей будущей службѣ, такъ и вообще, что-нибудь интересное, то не оставьте меня увѣдомленіемъ.

Если Вы напишете и отдадите письмо на почту въ Парижъ не позже 20 іюля русск. стили, то я скоро надѣюсь читать Ваши строки. Усердно и дружески Вамъ кланяюсь

И. Гончаровъ.

№ 33.

Четвергъ, 29 Августа. [1865 г.].

На дняхъ я воротился домой—и по дорогѣ черезъ Бельгію и Пруссію захватилъ съ собой стараго своего товарища—~~мика~~, который и лишаетъ меня удовольствія про[из]вести завтра день, по обыкновенію, у Васъ, дорогой именинникъ Александръ Васильевичъ!

Боюсь сквозного вѣтра въ вагонахъ, боюсь вечерней сырости—жалѣю, что осужденъ на домашній арестъ, едва смѣя показывать носъ на вѣтеръ—и поздравляю Васъ съ именинами.

Завтра однако постараюсь пропѣть: „Святый, благовѣрный Княже Александре—моли Бога за Царя, за всѣхъ всероссій-

¹⁾ Извѣстный государственный дѣятель и писатель по экономическимъ вопросамъ, знатокъ крестьянскаго дѣла.

скихъ имянниковъ вообще, и за Васъ, Александръ Васильевичъ, въ особенности, а потомъ уже и за насъ грѣшныхъ!

Надѣюсь въ непродолжительномъ времени свидѣться съ Вами у Владимірской и вызваю къ Борю, который конечно не замедлитъ разогнать дачниковъ по своимъ городскимъ гнѣздамъ!

Да снесетъ онъ кстати и кровлю съ Вашего городского гнѣзда и да сброситъ сіе послѣднее съ пятого въ первый снизу этажъ—чтобы моему благоутробію не тяжело было подниматься на многоэтажныя высоты!

Съ этимъ обѣтомъ простираю къ Вамъ обѣ дружескія длани и пью за Ваше здоровье—вельтерскую воду съ молокомъ.

Кланяюсь усердно Казимірѣ Казиміровичѣ и всѣмъ Вашимъ.

Вашъ же И. Гончаровъ.

№ 34.

Воскресенье. [1865 г.].

Препровождаю къ Вамъ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, два экземпляра трагедіи *Смерть Іоанна Грознаго*. Но вотъ въ чемъ дѣло: если, какъ Вы говорите, трое будутъ заниматься ею—то гдѣ же взять третій экземпляръ? Одинъ останется у Васъ, другой отдадутъ, положимъ, Г. Сухомлинову [М. И.] ¹⁾; если поручать третьему Дудышкину [С. С.], тогда, конечно, экземпляра не нужно—у него есть. А если не ему, а кому-нибудь другому?—У меня есть третій экземпляръ, но онъ—мой, и если будетъ настоять крайняя надобность, то я его отдамъ съ большимъ сожалѣніемъ.

Повѣряя Вамъ эти мои сомнѣнія на мудрое Ваше разрѣшеніе, пребываю жестоко преданный

И. Гончаровъ.

№ 35.

11 (22) Іюня 1866 г.

Любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ!

Вотъ я и на мѣстѣ злачиѣ, но не на мѣстѣ покойнѣ. Кругомъ война ²⁾, пахнетъ порохомъ, дороги мало по малу снимаются и я не знаю, когда я выберусь отсюда.

¹⁾ Профессоръ русской словесности, впоследствии извѣстный ученый, академикъ.

²⁾ Австро-прусская.

Я пробылъ дня три въ Берлинѣ, и еслибъ промедлилъ еще день, то былъ бы теперь дома, потому что на другой день послѣ моего отъѣзда и послѣдній путь черезъ Лейпцигъ былъ запертъ. Въ Парижъ черезъ Ганноверъ сообщеніе тоже прекратилось.

Я пробрался не безъ приключеній и едва, едва спасся бѣгствомъ отъ непріятеля. Вамъ извѣстно конечно, что Пруссія мирно заняла всю Саксонію, войска которой стянуты вмѣстѣ съ Австрійскими, близъ Ольмюца. День моего выѣзда изъ Берлина былъ послѣдній, пока еще можно было пробраться черезъ Лейпцигъ въ Австрію и я благополучно добрался до Эгера, послѣдней станціи до Маріенбада, даже записался въ дилижансъ, чтобъ добраться туда, какъ вдругъ услышалъ, что изъ Маріенбада и Карлсбада больные спѣшатъ выѣхать, что сообщенія мало по малу прекращаются, что снимаются рельсы и проволоки. Я тотчасъ же велѣлъ снять свой чемоданъ съ имперіала кареты и въ ту же ночь пустился обратно черезъ Лейпцигъ, надѣясь къ утру достигъ Берлина и ждать тамъ, пока обрисуетя яснѣе положеніе, или если неизвѣстность продлится, то воротиться въ Петербургъ. Въ дорогѣ я крѣпко ночью заснулъ, а на зарѣ вдругъ будить меня голосъ: „выходите вонъ: дальше ѣхать нельзя—Пруссаки уже въ Лейпцигѣ!“

И насъ, и багажъ нашъ извлекли и послѣдній валялся въ безпорядкѣ на платформѣ. Тутъ я увидѣлъ и свой чемоданъ, а кругомъ толпу смущенныхъ пассажировъ. Мы были въ Саксонскомъ городкѣ Рейхенбахѣ — около станціи разстилались далеко поля съ зелеными хлѣбами. Куда хочешь—туда и иди. А Пруссаки надвигались какъ туча, разрушая путь. Вотъ скверно-то было на душѣ при мысли засѣсть въ нѣмецкомъ городишкѣ и ждать конца войны и исправленія путей. Кондукторы однако рѣшили, посоветовавшись между собою, подвигаться впередъ сколько можно ближе къ Лейпцигу и мы сѣли опять въ вагоны и часа полтора подвигались къ Лейпцигу. Вдругъ часовъ въ семь утра на одной станціи, часа за два до Лейпцига, опять крикъ „назадъ, назадъ — Пруссаки за чаеъ отсюда!“

И я опять съ Саксонцами пустился бѣжать отъ Пруссаковъ, съ которыми наканунѣ за *table d'hôte* въ Берлинѣ чокался бокалами за ихъ первый успѣхъ надъ захваченнымъ курфирстомъ съ деньгами, предупредивъ ихъ впрочемъ, что завтра, можетъ быть, я точно такъ же буду чокаяться съ австрій-

цами за успѣхъ надъ ними, прусаками. Они добродушно за-смѣялись и чокнулись со мной опять.

Мы помчались назадъ, въ Австрію, захватывая съ собой пустые вагоны по дорогѣ, чтобы ими не воспользовались солдаты и часа черезъ два были внѣ всякой опасности. А во второмъ часу дня я былъ опять на томъ мѣстѣ, откуда уѣхалъ ночью, т. е. въ Эгеръ, а оттуда къ 5 часамъ пріѣхалъ сюда, въ Мариенбадъ.

Что будетъ дальше—не знаю. Хотя я и ко многому равнодушенъ, но къ плѣненію Вавилонскому или Мариенбадскому равнодушенъ быть не могу.

Нужно мнѣ и леченіе водами, а еще нужнѣе купанье въ морѣ—а между тѣмъ я не увѣренъ не только въ томъ, попаду ли я къ морю, но и въ томъ, попаду ли я куда-нибудь отсюда, если дороги будутъ несвободны. Теперь еще можно пробраться въ Вѣну, а изъ Вѣны черезъ Варшаву домой; потомъ можно ѣхать изъ Вѣны Дунаемъ до Чернаго моря—но я совсѣмъ не располагалъ дѣлать эти объѣзды и вовсе не любопытствую видѣть и Вѣну, и Одессу. А черезъ мѣсяць, можетъ быть, и того будетъ нельзя!

Здѣсь есть нѣсколько русскихъ, но очень мало. между прочимъ сенаторъ Арцимовичъ [В. А.] ¹⁾, съ которымъ я незнакомъ, да генералъ-адъютантъ баронъ Бюлеръ [К. Ѳ.] ²⁾, Новикова [О. А.] ³⁾, урожд. Кирѣева и еще человекъ три, четыре. Можно бы отсюда сейчасъ уѣхать черезъ Нюрнбергъ и Виртембергъ, на Стразбургъ и Парижъ, но не извѣстно здѣсь, открыли ли опять дорогу черезъ Кельнъ и Берлинъ въ Петербургъ, чтобъ не засѣсть надолго и въ Парижѣ. Словомъ, каша. Въ заключеніе скажу, что положеніе это небезъинтересно: есть ощущенія неожиданности, нѣкоторой опасности, разнообразія и приключеній: но чтобъ наслаждаться ими, нужно быть новичкомъ въ тревоженіяхъ, а я старъ и усталъ, хочу покоя, а не приключеній—и потому мнѣ нетолько не занимательно все это, а просто нестерпимо скучно.

¹⁾ Извѣстный административный дѣятель эпохи „шестидесятыхъ“ годовъ, сенаторъ.

²⁾ Помощникъ командующаго войсками Петербургскаго военнаго округа.

³⁾ Писательница и общественная дѣятельница, постоянно живетъ въ Лондонѣ; въ послѣдніе годы печатаются въ „Русской Старинѣ“ ея записки „Депутатъ отъ Россіи“.

Прощайте, кланяюсь Вамъ усердно и остаюсь искренно преданный

И. Гончаровъ.

Поклонитесь Павловскимъ Вашимъ сожителямъ и расскажите о моемъ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ.

№ 36.

5 (17) Маріенбадъ. [1866 г.]

Получилъ я Ваше письмо, любезнѣйшій Александръ Васильевичъ—и премного благодарю. Отвѣчаю коротко на этотъ разъ, потому что собираюсь завтра уѣхать и укладываюсь. Я пробылъ мѣсяцъ; надо бы пить воды еще недѣль шесть, но медлить нельзя, потому что неизвѣстно, удастся ли выбраться отсюда во время. Теперь пока, дорога открыта черезъ Баварію и я хочу проскочить въ Штутгартъ, а оттуда скорехонько черезъ Стразбургъ въ Парижъ, чтобы мнѣ былъ свободный путь къ морю.

Здѣсь все волнуется, все томится неизвѣстностью будущаго. Торговля, дѣла, всякое движеніе—въ застоѣ, и люди, которымъ дѣла нѣтъ до плановъ честолюбцевъ, проклинали Бисмарка съ его затѣями и Пруссію. А Прусаки утверждаютъ, что Австрія—есть тормазъ, что она держитъ въ застоѣ всѣ свои племена и языки—не только въ политикѣ, но и въ наукѣ, и въ торговлѣ, и даже въ земледѣліи. Вотъ Прусаки и взяли якобы на себя роль цивилизаторовъ. Такъ вчера перориваль¹⁾ у источника одинъ прусскій графъ въ толпѣ австрийцевъ—и тѣ согласны бы были служить всякому господину, лишь бы торговля и промышленность двигались и чтобы съ нихъ брали поменьше податей.

Они уже привыкаютъ къ мысли, что Богемія будетъ потеряна для Австріи, и сегодня мой докторъ, прощаясь со мной, сказалъ безъ всякой патріотической грусти, что если я приѣду на будущій годъ, то вѣроятно онъ—и Маріенбадъ будутъ уже прусскими подданными.

Я бы всѣмъ этимъ несказанно наслаждался, сочувствуя неуспѣху однихъ нѣмцевъ и не сочувствуя успѣху другихъ, еслибъ война не прекращала движенія по желѣзнымъ доро-

¹⁾ Т. е. выводилъ заключеніе.

гамъ, а то Прусаки имѣютъ скверную привычку, занявъ пріятельскую землю, снимать рельсы и телеграфич. проволоки, чтобы не дать врагу средства оправиться и направиться на нихъ.

Прощайте. Спѣшу укладываться. Я отчасти завидую Вамъ и Вашей безмятежной тишинѣ. А мнѣ предстоитъ тащиться по ужасной жарѣ черезъ всю Баварію, да еще дай Богъ дотащиться, а не сѣсть въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ бургѣ или бергѣ въ ожиданіи лучшихъ временъ и дорогъ.

Блажаюсь Казимірѣ Казиміровичѣ и всѣмъ Вашимъ дружески и жму Вашу руку

И. Гончаровъ.

Письмо это придетъ къ Вамъ вѣроятно дней черезъ десять. Надѣюсь тогда быть въ Парижѣ.

№ 37.

22 Авг. (3 Сентября) [1866 г. ?].

Получилъ я Ваше письмо, дражайшій Александръ Васильевичъ, и хотя близится время моего возвращенія т. е. остается мѣсяць съ небольшимъ (до 26 Сентября—мой срокъ), однако я все желаю подать Вамъ еще разъ голосъ о себѣ. Я все кисну—сказалъ бы я—въ Булони, но какъ море не даетъ ничему прокиснуть, то я проживаю мирно на его берегахъ вотъ уже четыре недѣли—и среди англичанъ съ одной, и французовъ съ другой стороны—рискую только забыть совсѣмъ русскую рѣчь. За table d'hôte у меня успѣли завестись пріатели и пріятельницы, особенно англичанки, которыхъ ласковостію и милымъ обхожденіемъ я не могу нахвалиться. И кокетничаютъ онѣ съ такимъ достоинствомъ, такъ благородно, что влекутъ къ себѣ какъ-то хорошо, такъ что, глядя на нихъ, понимаешь, отъ чего семейная жизнь въ Англіи лучше, нежели гдѣ-нибудь. Одна прекрасная англичанка, моя сосѣдка за столомъ, очень довольна, что я былъ въ Китаѣ, Индіи, на Мысѣ доброй Надежды, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она провела восемь лѣтъ—и мы съ ней вспоминаемъ знакомыя мѣста. За то моя визави французенка, долго высматривавшая за кого бы ей приняться, наконецъ угадала въ одномъ собесѣдникѣ богача - англичанина и теперь обрабатываетъ его и его фунты стерлинги. Ей 20 лѣтъ, она—невѣдомо кто, но нельзя сказать

невѣдомо откуда: изъ Парижа, пріѣхала съ горничной и съ грузомъ платьевъ, такъ что мѣняетъ по три туалета въ день. Англичанину 65 лѣтъ, но онъ бодръ, свѣжъ, сейчасъ же взялъ ее подъ свою опеку—и теперь они неразлучны—и онъ моритъ насъ всѣхъ со смѣху, потому что самъ сознаетъ свое дурачество и шутитъ надъ собой. Притомъ онъ еще глухъ и французенка черезъ столъ передразниваетъ его французскій выговоръ и смѣется надъ нимъ, вызывая и меня къ тому же и успокоивая тѣмъ, что онъ не слышитъ.

А впрочемъ все тоже. И Паранги тутъ и Françoise, которая командуетъ подвижными будками. Пса Гектора нѣтъ, но за то развелось много другихъ псовъ, почти столько же какъ въ Петербургѣ. Была и ежегодная религіозная процессія съ 9-ью епископами, на которую изъ Англии пріѣхало много экскурсіонистовъ т: е: зѣвакъ, съ нарочными, устроиваемыми для этого рейсами, которые т: е: зѣваки перепились къ вечеру пьяны и воротились къ себѣ. Есть и отличные фрукты, хотя ихъ ѣдятъ меньше, потому что—нѣтъ, нѣтъ, а холера и выхватитъ нѣсколько жертвъ.

Я отчаянно и буквально борюсь съ волнами, такъ что вчера насъ купалось только трое. Волна выше дома набѣжитъ и отброситъ насъ назадъ, а мы взберемся на слѣдующую и опять на свое мѣсто. Но на дняхъ волны какъ-то разыгрались около меня и понесли было меня не туда, куда я хотѣлъ, а къ другому, дальнему берегу, какъ я ни отбивался отъ нихъ. Но Батистъ, другой baigneur, вырвалъ меня за руку изъ ихъ омота и объяснилъ, что я попалъ въ сильное теченіе.

Я было пробовалъ заняться здѣсь, но дѣлаются приливы крови и я, взявши 25 или 26 ваннъ, въ четвергъ уѣзжаю въ Парижъ, гдѣ и пробуду до конца отпуска т: е: до 20-го Сентября, а потомъ—и къ Вамъ.

А до тѣхъ поръ, можетъ быть, не провалится ли у Васъ въ домѣ Фридриха потолокъ, или не отвалится ли уголъ дома, такъ чтобъ Вамъ пришлось переѣхать двумя этажами пониже: иначе нельзя отвѣчать ни за Ивана Карловича, ни за меня, что съ нами не случится ударъ.

Софья Семеновна, говорите Вы, гадаетъ мнѣ и выходитъ *интересъ, пріятное извѣстіе и дорога*: изъ всего этого вѣрно одно—*дорога*, или *дороги*, и даже неизбежно, если только не бросишься въ море. Туда и *дорога*: и все-таки будетъ дорога.

Здѣсь были жары, разразившіяся тропическими грозами и шкваломъ, а теперь дуетъ неистовый вѣтеръ прямо съ океана,

и притомъ не теплый, что однако не помѣшало мнѣ нынче въ 8 часовъ утра взять ванну.

Скоро 30 Августа: можетъ быть около того времени будетъ это письмо въ Вашихъ рукахъ—примите мое поздравленіе съ тезоименитствомъ и сожалѣніе, что я не буду въ тѣсномъ кругу Вашихъ друзей, которые, подъ тѣнью Павловскихъ липъ или сосенъ, соберутся на пирогъ къ имениннику. Считайте меня невидимо присутствующимъ тамъ и упросите скушать мою долю и выпить мой бокалъ—Софью Александровну. Пусть она покушаетъ хоть одинъ разъ въ жизни—какъ слѣдуетъ, или какъ не слѣдуетъ т. е: какъ я.

Прощайте, мой дружескій поклонъ Казиміръ Казиміровичъ и всему Вашему дому

Вашъ И. Гончаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

